

Георгий Чулков. Подсолнухи

Источник: "Новелла Серебряного века". Изд-во: Москва, "Терра", 1994.
OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 8 ноября 2003.
Оригинал здесь: [Библиотека Александра Белоусенко](#)
Дополнительная правка: В. Есаулов, июль 2004 г.

I

Когда я вижу этот большой цветок, золотой и махровый, всегда обращенный к солнцу, в сердце моем начинает звучать песенка – тихая, печальная и сладостная, – и в душе возникают воспоминания о милом далеком, о юности моей, о том, чего не вернешь никогда, никогда... Я вспоминаю тогда моего дядюшку Степана Егоровича Руднева, курские поля, тихую усадьбу: мне тогда кажется, что пахнет белой акацией, что старость моя дурной сон и что вот стоит только глаза протереть – и я вновь увижу незабвенное весеннее.

Однако буду рассказывать по порядку.

Окончив гимназию, попал я на лето в имение к моему дядюшке. На моей вихрастой голове уже была надета студенческая фуражка, и чувствовал я себя так, как будто бы весь мир только того и ждал, чтобы приветствовать меня, мою свободу и благословить меня на какую-то новую жизнь.

Мне шел тогда восемнадцатый год, и сердце мое было отравлено тою нежной и пугливой мечтою, которая исчезает вместе с юностью.

Впрочем, не все теряют вместе с весенними днями душевную чистоту и нежность. И дядюшка мой, Степан Егорович, был одним из этих избранных.. Когда-то, в молодости, влюбился он в одну московскую барышню, генеральскую дочку, и сделал ей предложение. Но барышня не была благосклонна к Степану Егоровичу и поспешила выйти замуж за какого-то уланского ротмистра. Дядюшка мой не разочаровался, однако, в своей возлюбленной и крепко затосковал. Друзья посоветовали ему поехать за границу, развлечься. Степан Егорович поехал в Венецию, но и Венеция его не утешила, хотя св. Марк и роскошь Веронеза и Тинторетто пленили его мечтательное сердце.

После Венеции поселился он у себя в деревне и стал жить отшельником и чудакom, неустанно мечтая о генеральской дочке, исчезнувшей во мгле былых дней. И как наивны, и как нежны были его мечты...

Когда я приехал к дядюшке, было ему уже под пятьдесят, но все еще в лице его было что-то юное. Но какое-то недоумение выражали всегда его светлые глаза.

Зажили мы с дядюшкой, как говорится, душа в душу. Одно только обстоятельство нас разделяло – политические убеждения: я был вольнодумец и демократ, а дядюшка был приверженец аристократической олигархии. Чудаку все мерещился какой-то "совет дождей" и нравилась чрезвычайно итальянская пышность XVI века. А в житейских делах дядюшка ничего не понимал. И, если бы не управляющий Аверьяныч, маленький хутор его давно бы продали с молотка.

Я приехал на хутор, когда вишни и яблони уже отцвели, но зато благоухала белая акация. Веяло весною, не тою подснежною мартовской весною, от которой стоит в сердце влажный дурман, а тем нежным и тихим маем, который медленно склоняется к лету и бывает так пленителен в своем сладостном томлении.

Дядюшка подарил мне славного иноходца Робинзона, и я каждый день таскался на седле по окрестностям, мечтая Бог знает о чем, уверенный, что вот где-то рядом ждет меня чудо, называемое любовью.

Но как я был застенчив и боязлив! Смех и восклицания босоногих девок, попадавшихся мне на дороге, заставляли меня краснеть до ушей, и я не решался обернуться и посмотреть еще раз на их пестрые сарафаны, тайно меня пленявшие.

А какие незабываемые бессонные ночи я проводил тогда! Неясные, смутные предчувствия волновали мою кровь, и все казалось, что вот откроется дверь и кто-то войдет сейчас в комнату и скажет тихо волшебное слово – люблю.

Я дрожал, ожидая свидания с неизвестной, таинственной, прекрасной. Иногда в лунные ночи я вылезал через окно в сад и шел по дорожке к пруду,